

Глава 1

Остался последний день, а теперь — последние часы. Я — старик, одинокий, никем не любимый, больной, вредный и уставший от жизни. Я готов к встрече с миром иным — хуже, чем здесь, там не будет.

Мне принадлежат и высотное здание из стекла и бетона, в котором я сижу, и девяносто семь процентов компании, которая размещена в нем, там, внизу, под мной, и земля вокруг — по полмили в трех направлениях. А еще две тысячи человек, работающих здесь, плюс двадцать тысяч, занятых в других местах. Мне принадлежат трубопровод, проложенный под землей, по которому газ доставляется в здание от техасского месторождения, и линия электропередачи, которая снабжает дом энергией. Я арендую спутник, летающий на невиданной высоте, через который я некогда рассылал приказы своей империи, расплзшейся по всему миру. Мое состояние перевалило за одиннадцать миллиардов долларов. У меня есть серебро в Неваде, медь в Монтане, кофе в Кении, уголь в Анголе, каучук в Малайзии, природный газ в Техасе, сырая нефть в Индонезии и сталь в Китае. Моя компания владеет другими компаниями, производящими электричество, компьютеры, возводящими плотины, издающими книги в мягких обложках, транслирующими теле- и радиосигналы через мой спутник. Мои дочерние компании находятся в большем количе-

4 стве стран, чем я могу перечислить, полагаясь на память.

Когда-то у меня были все соответствующие моему положению игрушки: яхты, самолеты, блондинки, дома в Европе, фермы в Аргентине, острова в Тихом океане, первоклассные автомобили, даже хоккейная команда. Но я вышел из того возраста, когда играют в игрушки.

Деньги — ширма, за которой прячется мое горе.

У меня было три семьи. Три жены родили мне семь детей, шесть из них живы и делают все, что могут, лишь бы потерзать меня. Насколько мне известно, я действительно породил всех семерых. И одного похоронил. Точнее, его похоронила мать. Меня тогда не было в стране.

Я живу отдельно от своих жен и детей. Но сегодня они все собрались здесь, потому что я умираю и настало время делить деньги.

Об этом дне я думал очень давно. В моем здании четырнадцать этажей, оно образует замкнутый четырехугольник, внутри которого располагается тенистый двор, где когда-то я устраивал приемы на открытом воздухе. Я живу и работаю на верхнем этаже — двенадцать тысяч квадратных футов роскоши, которая многим может показаться неприличной, что нимало меня не заботит. Каждый цент я заработал собственным потом и мозгами. Кроме того, мне везло. Удача редко отворачивалась от меня. Так что тратить все это богатство — моя прерогатива. И кому его отдать, должен был бы выбирать я сам, но меня обложили со всех сторон.

Какая мне разница, кому достанутся деньги? Мне они уже принесли все, что можно вообразить. Сидя здесь в инвалидной коляске в ожидании смерти, я не могу придумать ничего, что мне хотелось бы купить или увидеть, не в силах вообразить ни одного места, куда мне хотелось

бы поехать, представить ни одного приключения, которое мне хотелось бы пережить. 5

У меня уже все было, и я очень устал.

Мне все равно, кто получит деньги. Но для меня важно, чтобы кое-кто их *не получил*.

Каждый квадратный фут этого здания распланирован лично мной, поэтому я точно знаю, где кого поместить во время предстоящей церемонии. Все они слетелись сюда, ждут давно, но не ропщут. Они готовы были бы голыми стоять на улице в снежную бурю, лишь бы урвать свое.

Моя первая семья — это Лилиан и ее выводок: четыре отпрыска, рожденных женщиной, которая и подпускала-то меня к себе редко. Мы поженились молодыми: мне было двадцать четыре, ей — восемнадцать, так что Лилиан теперь тоже старуха. Я не видел ее много лет, не хочу видеть и сегодня. Не сомневаюсь, она по-прежнему играет роль оскорбленной, брошенной, но примерной первой жены, которая явилась выторговывать себе награду. Она так больше и не вышла замуж, уверен, что за прошедшие пятьдесят лет у нее вообще не было мужчин. До сих пор не могу понять, как у нас с ней получились дети.

Ее старшему сыну сейчас сорок семь. Трой-младший, никчемный идиот, носит проклятие моего имени. В детстве его называли Ти Джей, и он до сих пор предпочитает это имя Трою. Из шестерых детей, собравшихся сегодня здесь, Ти Джей самый тупой, хотя все они недалеко ушли друг от друга. В девятнадцать его вышвырнули из колледжа за торговлю наркотиками.

Как и остальные, Ти Джей получил на совершеннолетие пять миллионов долларов. И как у остальных, они утекли у него сквозь пальцы.

Я терпеть не могу вспоминать жалкие истории жизни детей Лилиан. Достаточно сказать, что все они погрязли в долгах, ни на что не годны и едва ли способны измениться. Вот почему моя подпись под завещанием для них очень много значит.

Б Но вернемся к моим бывшим женам. Фригидность Лилиан я променял на огненную страсть Джейни, юной красавицы, работавшей секретаршей в бухгалтерии. Она быстро сделала карьеру после того, как я решил брать ее с собой в деловые поездки. Я развелся с Лилиан и женился на Джейни, которая была на двадцать два года моложе меня и решительно настроена ни на минуту не дать мне почувствовать себя неудовлетворенным. Она очень скоро родила мне двоих детей и использовала их в качестве якоря, чтобы удержать меня в семейной гавани. Роки, младший, погиб вместе с двумя приятелями в автокатастрофе на своей спортивной машине. Уладить дело в суде стоило мне шести миллионов долларов.

На Тайре я женился, когда мне было шестьдесят четыре, а ей — двадцать три. Она была беременна от меня маленьким чудовищем, которого по совершенно непонятной мне причине назвала Рэмблом. Рэмблу сейчас четырнадцать, и у него уже есть два привода в полицию за хранение марихуаны. У него жирные волосы, которые липнут к шее и ниспадают на спину, и он украшает себя серьгами, которые красуются у него и в ушах, и на бровях, и в носу. Говорят, он ходит в школу, когда ему хочется.

Рэмбл стыдится, что его отцу почти восемьдесят лет, а мне стыдно от того, что у сына даже в язык воткнуты серебряные бусинки.

И он так же, как остальные, ждет, когда я поставлю свое имя под завещанием и сделаю его жизнь прекрасной. Каким бы огромным ни было мое наследство, таким дуракам, как они, не понадобится много времени, чтобы промотать его.

Умиравший старик не должен испытывать ненависти, но я ничего не могу с собой поделать. Все они — кучка жалких идиотов. Их матери меня ненавидят, следовательно, и дети приучены ненавидеть.

Они — словно стая вьющихся надо мной стервятников с когтистыми лапами, острыми зубами и голодными глазами, у которых кружится голова в предвкушении неограниченной наличности. 7

Моя дееспособность — важнейший вопрос для них. Они думают, что у меня опухоль, поскольку я порой говорю странные вещи. Я бессвязно бормочу что-то при встречах и по телефону, и помощники, стоящие у меня за спиной, кивают, что-то шепчут и думают: «Да, так и есть». Они правы. У меня действительно опухоль.

Два года назад я составил завещание, по которому все переходило моей последней сожительнице — она в то время разгуливала по квартире в одних леопардовых штанишках. Да, видимо, я действительно помешан — помешан на двадцатилетних блондинках с пышными формами. Но потом эта красотка получила расчет, бумагорезательная машина — мое завещание, а я ощутил страшную усталость.

Еще раньше, три года назад, я подготовил завещание — просто ради собственного удовольствия, — согласно которому оставлял все благотворительным организациям — их там значилось более сотни. Как-то мы ссорились с Ти Джеем, он проклинал меня, я — его, и я рассказал ему об этом завещании. Он, его мать и их родня наняли банду адвокатов-мошенников и подали в суд иск с требованием определить меня в клинику для обследования и лечения. Сильный ход законников, потому что, если бы меня признали недееспособным, мое завещание было бы аннулировано.

Однако у меня свои адвокаты, и я плачу им по тысяче долларов в час, чтобы они трактовали законы в мою пользу. Судья счел меня вполне нормальным, хотя в тот момент я, вероятно, и впрямь был немного не в себе.

Вскоре после этого в ненасытной пасти моей бумагорезательной машины исчезло мое очередное завеща-

В ние, но отправил его туда я сам, без чьей бы то ни было помощи.

Я одеваюсь в длинные белые одежды из тайского шелка, брею голову наголо, как монах, и мало ем, отчего тело мое стало маленьким и сморщенным. Все считают меня буддистом, но на самом деле я исповедую зороастризм. Моим бывшим женам и детям разница неведома. Я даже могу понять их и не удивляюсь, что они низко оценивают мои теперешние умственные способности.

Лилиан и моя первая семья расположились в комнате для закрытых совещаний на тринадцатом этаже, как раз подо мной. Эта большая комната, отделанная мрамором и красным деревом, с дорогим ковром на полу и длинным овальным столом в центре сейчас заполнена взвинченными до предела людьми. Неудивительно, что среди них больше адвокатов, чем членов семьи. Свой адвокат есть у Лилиан и у каждого из ее детей, а Ти Джей привел даже троих, чтобы продемонстрировать собственную значительность и быть уверенным, что все варианты будут должным образом осмыслены. У Ти Джея больше проблем с законом, чем у многих заключенных, которым грозит смертная казнь.

В дальнем конце стола установлен большой цифровой монитор, с его помощью можно будет следить за процедурой освидетельствования.

Рекс, сорокачетырехлетний брат Ти Джея, мой второй сын, только что женился на стриптизерше. Ее зовут Эмбер, это несчастное существо без мозгов, но с чертовски большой грудью. Кажется, она его третья жена. Вторая или третья? Впрочем, мне ли осуждать его? Она сидит рядом с другими женами и/или сожительницами, нервничая в предвкушении раздела одиннадцати миллиардов.

Первая дочь Лилиан, моя старшенькая, Либбигайл, ребенок, которого я самозабвенно любил, пока она не уехала в колледж учиться и не забыла меня. Потом она вышла замуж за африканца, и я вычеркнул ее имя из завещания.

Мэри-Роуз — последний ребенок, которого 9
родила мне Лилиан. Она вышла замуж за врача.
У того были огромные амбиции, он мечтал стать супер-
богачом, но пока они сидели по уши в долгах.

Джейни и моя вторая семья ожидают в комнате на десятом этаже. После нашего давнего развода она дважды выходила замуж. Почти уверен, что сейчас она одна. Я нанял детективов, чтобы быть в курсе дел, но даже ФБР не могло бы уследить за ее перебежками из постели в постель. Как я упоминал, ее сын Роки погиб. Дочь Джина сейчас здесь вместе со своим вторым слабоумным мужем, дипломированным бизнесменом. Он вполне способен урвать полмиллиарда долларов или около того и виртуозно спустить их за три года.

Ну и наконец Рэмбл, сгорбившийся в кресле на пятом этаже, облизывающий золотое кольцо, продетое через губу в уголке рта. Он расчесывает пятерней свои липкие зеленые волосы и злобно поглядывает на мать, у которой хватило наглости явиться сюда с маленьким лохматым жиголом. Рэмбл надеется уже сегодня стать богатым, получив состояние только потому, что был мной зачат. У Рэмбла тоже есть адвокат — хипповатый радикал, которого Тайра увидела по телевизору и наняла, как только переспала с ним. Они ждут так же, как и остальные.

Я знаю этих людей. Я наблюдаю за ними.

Из глубины квартиры появляется Снид. Вот уже почти тридцать лет служит у меня мальчиком на побегушках этот кругленький домашний человечек в белой жилетке, робкий и застенчивый, постоянно согнутый в поясе, словно он всегда кланяется своему королю. Снид останавливается передо мной, как обычно, сложив ручки на животе, наклонив голову набок, сладко улыбаясь, и проникновенно, нараспев, как научился в Ирландии, когда мы туда ездили, спрашивает:

— Как вы себя чувствуете, сэр?

1 □ Я ничего не отвечаю, потому что Сниду отвечать не требуется, он и не ждет ответа.

— Кофе, сэръ?

— Ленч.

Снид моргает, кланяется еще ниже и ковьялет прочь, подметая пол обшлагами брюк. Он тоже надеется разбогатеть после моей смерти и, полагаю, считает дни, как и все остальные.

Богатство иметь хлопотно потому, что каждый хочет урвать у тебя хоть что-то — пусть даже один сребреник. Что такое миллион для человека, владеющего миллиардами? Отстегни мне миллиончик, старина, ты даже не заметишь убыли. Одолжи мне денег — и давай оба об этом забудем. Вставь мое имечко куда-нибудь в завещание, местечко там найдется.

Снид чертовски любопытен, как-то я застукал его, когда он рылся в моем письменном столе, полагаю, в поисках действовавшего на тот момент завещания. Он хочет, чтобы я умер, поскольку рассчитывает получить несколько миллионов.

Какое право он имеет чего бы то ни было ожидать? Мне давно нужно было его выгнать.

В моем новом завещании его имя не упомянуто.

Он ставит передо мной поднос: запечатанная пачка крекера «Ритц», маленькая баночка меда, закрытая крышкой с пластмассовой печатью, и баночка (двенадцать унций) «Фрески» комнатной температуры. Малейшее отклонение от меню — и Снид тут же оказался бы на улице.

Я отпускаю его и макаю крекер в мед. Последняя трапеза.

Глава 2

Я сижу и смотрю сквозь стену из тонированного стекла. В ясный день отсюда виден памятник Вашингтону, находящийся в шести милях, но не се-

годня. Сегодня день сырой, холодный, ветреный 1 1
и пасмурный — весьма подходящий, чтобы уметь. Ветер сдувает с ветвей последние листья и разбрасывает по автомобильной стоянке под окнами.

Почему меня беспокоит мысль о боли? Разве будет не справедливо, если я немного пострадаю? Я причинил другим столько горя, сколько не смогли бы причинить и десять человек.

Нажимаю кнопку — является Снид. Он кланяется и вывозит меня из моих апартаментов в отделанное мрамором фойе, затем катит инвалидную коляску по такому же великолепному коридору — в другую дверь. Расстояние между мной и моей родней сокращается, но я не чувствую никакого волнения.

Я протомил психиатров в ожидании более двух часов.

Мы проезжаем мимо моего кабинета, и я киваю Николетт, последней моей секретарше — очаровательной девушке, от которой я в полном восторге. Будь у меня побольше времени, она могла бы стать четвертой.

Но времени нет. Остались минуты.

Вся шайка в сборе — разбившиеся на стайки адвокаты и несколько психиатров, приглашенных определить, в своем ли я уме. Они собрались вокруг длинного стола в моем зале заседаний. Когда меня ввозят, разговоры резко обрываются, взоры устремляются на меня. Снид подвозит коляску к столу и ставит рядом с моим адвокатом Стэффордом.

Повсюду установлены камеры, направленные в разные стороны, операторы суетятся, наводя фокус. Шепот, движения, вздохи будут тщательно фиксироваться ими — ведь на кон поставлено огромное состояние.

Последнее подписанное мной завещание почти ничего не давало моим детям. Джош Стэффорд, как обычно, подготовил его, а я скормил машинке сегодня утром.

Я сижу здесь, чтобы доказать всему миру, что нахожусь в прекрасной интеллектуальной форме и в состоянии под-

12 писать новое завещание. Как только оно будет заверено, никто не сможет оспорить мое решение.

Прямо напротив меня расположились три психиатра — по одному от каждой семьи. На табличках, стоящих перед ними на столе, кто-то написал фамилии — «д-р Зейдель», «д-р Фло», «д-р Тишен». Я изучаю их лица и глаза. Поскольку мне предстоит продемонстрировать свою вменяемость, нужно установить зрительный контакт.

Они ожидали увидеть чокнутого, а я готов съесть их на обед.

Парадом будет командовать Стэффорд. Когда все рассаживаются по местам и операторы включают камеры, он произносит:

— Меня зовут Джош Стэффорд, я поверенный в делах мистера Троя Филана, который сидит здесь, справа от меня.

Я поочередно смотрю в глаза каждому психиатру, пока он не начинает моргать или не отводит взгляд. На всех троих — темные костюмы. У Зейделя и Фло — жиденькие бороденки. Тишен — в галстук-бабочке, на вид ему не больше тридцати. Семьям было предоставлено право выбрать, кого они пожелают.

Стэффорд продолжает:

— Цель нынешней встречи — предоставить возможность консилиуму врачей-психиатров освидетельствовать мистера Филана и решить, дееспособен ли он. Если консилиум признает его дееспособным, он подпишет завещание, в котором будет указано, как распределится его состояние.

Стэффорд постукивает карандашом по лежащей перед ним папке с дюйм толщиной, в которой якобы находится завещание. Я уверен, что сейчас камеры показывают папку крупным планом и от одного ее вида у моих детей и их матерей, рассредоточенных по разным помещениям, мороз пробегает по коже.

Они не видели завещания и не имеют на это права. Завещание — конфиденциальный документ, содержа-

ние которого оглашается только после смерти 1 Э завещателя. Наследники могут лишь гадать, что в нем. Я сделал им кое-какие намеки, тщательно внедрил в их сознание ложную информацию.

Заставил поверить, что основная часть наследства будет более или менее справедливо поделена между детьми, а бывшие жены получают значительные суммы. Они это знают, чувствуют. Об этом они будут отчаянно молиться недели, а может, и месяцы. Ведь для них это вопрос жизни и смерти, потому что все они в долгах. Предполагается, что лежащее передо мной завещание сделает их богатыми и положит конец распрям. Стэффорд, готовивший документ, в разговоре с их адвокатами с моего разрешения в общих чертах обрисовал его содержание: каждый наследник получит от трехсот до пятисот миллионов долларов, еще по пятьдесят миллионов достанется каждой из бывших жен. При разводе я прекрасно обеспечил всех трех, но об этом, разумеется, уже забыли.

В общей сложности они получают около трех миллиардов. После уплаты налогов, на что уйдет еще несколько миллиардов, остальное пойдет на благотворительность.

Так что вы понимаете, почему эти люди слетелись сюда — сияющие, ухоженные, трезвые (большинство по крайней мере). Они жаждут увидеть на экране монитора волнующее представление, ожидая и надеясь, что старый хрен сможет справиться со своей задачей. Уверен, мои дети и бывшие жены сказали нанятым ими психиатрам: «Будьте снисходительны к старику. Мы хотим, чтобы его признали здоровым».

Если все довольны, зачем тревожиться из-за психиатров? А затем, что я собираюсь обмануть всех еще один, последний раз и намерен сделать это наилучшим образом.

Приглашение психиатров, в сущности, моя идея, но мои дети и их адвокаты слишком туго соображают, чтобы понять это.

Начинает Зейдель:

1 4 — Мистер Филан, вы можете назвать день, время и место, где вы находитесь?

Я чувствую себя первоклассником. Низко опускаю голову и размышляю так долго, что они, устав ждать, откидываются на спинки кресел и шепчут:

— Ну же, старый мерзавец. Конечно, ты знаешь, какой сегодня день.

— Понедельник, — тихо отвечаю я. — Понедельник, девятое декабря тысяча девятьсот девяносто шестого года. Место — мой офис.

— А время?

— Около половины третьего дня, — отвечаю я, — у меня нет часов.

— А где находится ваш офис?

— Маклин, Виргиния.

Фло наклоняется к своему микрофону:

— Можете ли вы назвать имена и даты рождения своих детей?

— Нет. Имена — да, но даты рождения — нет.

— Ладно, назовите имена.

Я делаю паузу. Еще рано демонстрировать остроту ума. Надо заставить их попотеть.

— Трой Филан-младший, Рекс, Либбигайл, Мэри-Розуз, Джина и Рэмбл, — произношу я так, словно мне неприятна сама мысль о них.

Фло предоставляют право продолжить:

— Но был еще и седьмой ребенок, не так ли?

— Так.

— Вы помните его имя?

— Роки.

— А что с ним случилось?

— Он погиб в автокатастрофе. — Я выпрямляюсь в своей инвалидной коляске, поднимаю голову и поочередно смотрю в глаза каждому врачу, демонстрируя для камер абсолютную вменяемость. Уверен, дети и бывшие жены гордятся мной, наблюдая в своих маленьких

группках за происходящим по монитору. Они сжимают руки своих нынешних мужей и жен и улыбаются в ответ на жадные взгляды адвокатов — пока старый Трой справляется с экзаменом. 15

Пусть мой голос звучит хрипло и глухо, пусть я, со своим сморщенным лицом, выгляжу безумцем в этом белом шелковом одеянии и зеленом тюрбане, но на вопросы-то отвечаю.

Ну давай, давай, старина, мысленно умоляют они.

Тишен спрашивает:

— Каково ваше нынешнее физическое состояние?

— Бывало и лучше.

— Говорят, у вас злокачественная опухоль.

Попал точно в цель, правда?

— Я полагал, что меня обследуют на предмет психического здоровья, — говорю я, бросая взгляд на Стэффорда, которому едва удастся скрыть улыбку. Правила позволяют задавать любые вопросы. Это не суд.

— Вы правы, — вежливо отвечает Тишен. — Но всякий вопрос относителен.

— Понимаю.

— Вы ответите на мой последний вопрос?

— О чем?

— О раке.

— Конечно. Опухоль размером с мячик для гольфа — у меня в мозгу. Она растет с каждым днем, неоперабельна, и мой врач говорит, что я не протяну и трех месяцев.

Я почти слышу, как выстреливают пробки от шампанского. Опухоль нужно отметить!

— Находитесь ли вы в настоящий момент под действием каких-либо медикаментов, наркотиков или алкоголя?

— Нет.

— Пользуетесь ли вы какими-либо болеутоляющими средствами?

— Пока нет.

Теперь опять Зейдель: